Милюков

3-я

ГОС. ДУМА

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГЖ 310
М584

DJK310
M584

П. Н. Милюковъ.

ТРЕТЬЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

— и —

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ВЪ НЕЙ

фракціи Народной Свободы

(по докладамъ С.-Петербургскаго депутата П. Н. Милюкова собраніямъ избирателей на Васильевскомъ островѣ и Петербургской сторонѣ).

Цѣна 20 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Типо-Литографія Б. Я. Авидона, Моховая 41.
1909.

Л. Ю. Камен
ГЭС 310
М 584.

П. Н. Милюковъ.

ТРЕТЬЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

и

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ВЪ НЕЙ

фракціи Народной Свободы

(по докладамъ С.-Петербургскаго депутата П. Н. Милюкова собраніямъ избирателей на Васильевскомъ островѣ и Петербургской сторонѣ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Типо-Литографія Б. Я. Авидона, Моховая 41.
1909.

1 экз

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

К. 84

ГЖ310 р
М584

Института В. И. Ленина
№
110-1924

59442
4

Господа избиратели! Позвольте начать обращеніе мое къ вамъ съ выраженія благодарности за вашу дружескую встрѣчу. Вашъ привѣтъ показываетъ, что вы не считаете меня недостойнымъ той, подчасъ нелегкой, ноши, которую вы на меня возложили. Дѣятельность моя и моихъ товарищей по фракціи предъ вами открыта. Ежедневно вы читаете въ газетахъ всѣ подробности. Слѣдовательно, я долженъ предположить, что, выражая свое сочувствіе, вы высказываете его, зная и одобряя общій характеръ нашей политической дѣятельности.

Но, само-собою разумѣется, это одно освѣдомленіе о нашей дѣятельности черезъ газеты никогда не считалось нами единственно желательнымъ. Мы всегда указывали на безусловную необходимость постоянной нравственной связи между избирателями и ихъ представителями въ Государственной Думѣ. Только такого рода постоянная связь, только сознаніе того, что дѣлаешь вещи, которыя избиратель одобряетъ, и можетъ дать вашимъ избранникамъ силу и ихъ голосу надлежащую звучность въ залѣ Таврическаго Дворца. Но кромѣ того, что намъ *практически* нужно ваше постоянное вниманіе, мы добиваемся того же и съ *теоретической* точки зрѣнія. Связь избирателей съ депутатами есть необходимый залогъ для того, чтобы конституціонный строй въ Россіи, дѣйствительно, вошелъ въ жизнь. Вы, господа избиратели, всѣ вмѣстѣ взятые, представляете изъ себя такой же органъ государственной власти, какъ и ваши избранники въ Государственной Думѣ. Та власть, которой они пользуются, получена ими отъ васъ: вы, такъ сказать, составляете въ совокупности Большую Думу, разсѣянную на всемъ пространствѣ Имперіи. Такимъ образомъ, мы всегда считали необходимымъ вступать въ непосредственную, живую связь съ нашими избирателями. Къ сожалѣнію, не всегда эти попытки удавались. Почти всѣ члены

Библиотека Института В. И. Ленина

нашей фракціи дѣлали такія попытки, но очень немногіе получали возможность бесѣдовать съ избирателями.

Я долженъ, къ сожалѣнію, сказать, что и то право бесѣдовать съ вами, которое я получилъ сегодня, неполно. Выступая передъ вами, я хотѣлъ бы, чтобы это выступленіе, дѣйствительно, имѣло характеръ отчета: чтобы каждый изъ васъ могъ отъ меня потребовать отвѣта на любой вопросъ его интересующій, чтобы всякій, кто имѣетъ сказать слово, хотя бы не одобренія, а критики, могъ сказать его въ этомъ собраніи. Къ сожалѣнію, этого права вамъ сегодня не дано.

При отсутствіи непрерывнаго общенія и связи членовъ Думы съ избирателями, мы все время находимся въ 3-ей Государственной Думѣ подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ мысли, что страна отъ насъ отвыкаетъ, перестаетъ интересоваться этой Думой и перестаетъ слѣдить за ней. Сплошь и рядомъ вы слышите отзывы: что это за Дума? Это—господская Дума! Что она можетъ сдѣлать? Я долженъ прибавить, однако, что несмотря на это несомнѣнное охлажденіе населенія къ Думѣ, все-таки оказывается, что даже и такая Дума возбуждаетъ къ себѣ значительный интересъ. Не говоря о другихъ, малѣйшее выступленіе нашей фракціи въ Думѣ сейчасъ же замѣчается и вызываетъ живой откликъ. Я лично получаю постоянно письма, не только отъ петербургскихъ избирателей, но и со всѣхъ концовъ Россіи, которыя постоянно мнѣ показываютъ, что я сдѣлалъ правильно, что неправильно. Мнѣ даютъ совѣты, отъ меня требуютъ того и другого—и всѣ эти указанія я считаю долгомъ принять въ соображеніе и посильно исполнить. Такимъ образомъ, интересъ къ Думѣ есть, хотя и не такой, какой существовалъ къ 1-ой и 2-ой Думѣ. Наша жизнь такъ бѣдна содержаніемъ, что поневолѣ, даже и этотъ еле брезжущій свѣтъ привлекаетъ вниманіе. Если даже эта Дума и даетъ немного положительнаго, всѣхъ интересуетъ, чѣмъ она занимается, какъ она относится къ текущему моменту, къ дѣятельности правительства, какъ она критикуетъ въ такихъ вопросахъ, гдѣ ничего не можетъ сдѣлать. Не говорю уже о томъ, что съ каждымъ мѣсяцемъ существованія Думы растетъ и кругъ лицъ, заин-

тересованныхъ непосредственно, практически въ ея дѣятельности. Даже тогда, когда эта Дума *нарушаетъ* интересы народа, она и этимъ поневолѣ вызываетъ вниманіе, хотя бы чисто отрицательное, широкихъ круговъ населенія. Тѣмъ болѣе заинтересованы въ ея дѣятельности всѣ тѣ, въ чью пользу Дума издаетъ свои законы.

Положеніе наше въ 3-й Государственной Думѣ не есть положеніе вліятельной группы.*) Партія народной свободы въ Государственной Думѣ представлена всего 53 депутатами. Полный составъ Думы—442 депутата. Большинство(214) состояло до послѣдняго времени изъ представителей двухъ партій: октябристовъ (139) и т. наз. умѣренно-правыхъ (75). Эти послѣдніе до 3-ей Думы принадлежали къ группѣ, не признававшей даже новаго „представительнаго" строя. Вступивъ въ эту Думу, они согласились въ этомъ сдѣлать уступку именно для того, чтобы вмѣстѣ съ октябристами составить необходимое большинство, которое могло бы поддерживать въ Думѣ существующее правительство. Такимъ образомъ, немного менѣе половины членовъ Думы составляютъ правительственное большинство октябристовъ и умѣренныхъ правыхъ. Это правительственное большинство довольно покладисто. Едва-ли можно сказать, чтобы у него существовалъ свой планъ о томъ, что необходимо сдѣлать для оздоровленія нашей родины, чтобы вывести ее на правильный путь. Обыкновенно оно идетъ за министерствомъ. А такъ какъ и у министерства тоже нѣтъ опредѣленнаго плана, то это отсутствіе плана сказывается на полной случайности дѣйствій и на постоянныхъ колебаніяхъ думскаго большинства.

---

*) Таблица распредѣленія членовъ Думы по партіямъ;

	Къ 1908 г.	Къ 1909 г.	
Правые	50	49	— 1
Націоналисты	26	20	— 6
Умѣренно-правые	70	75	+ 5
Октябристы	154	139	—15
Поляки	18	18	—
Прогрессисты	23	36	+13
Мусульмане	8	9	+ 1
Народная свобода	56	53	— 3
Трудовая группа	13	15	+ 2
Соціалъ-демокр.	20	18	— 2
Неизвѣстно къ какой партіи	—	8	—

Справа отъ большинства, мы имѣемъ въ Думѣ тоже двѣ группы: націоналистовъ (20) и крайныхъ правыхъ (49). Ихъ вмѣстѣ не особенно много—69. Это люди, которые совсѣмъ отрицательно относятся къ представительному строю, къ манифесту 17 октября. Они тоже очень часто критикуютъ правительство, только съ другой стороны. Тамъ, гдѣ намъ кажется, что правительство даетъ слишкомъ мало правъ, они находятъ, что правительство даетъ слишкомъ много и что нужно взять обратно и то, что дано. Наконецъ влѣво отъ господствующаго большинства, сидятъ въ Думѣ четыре группы. Во-первыхъ, небольшая группа прогрессистовъ, собравшаяся около нѣсколькихъ руководителей изъ партіи мирнаго обновленія (36). Это—группа не особенно плотная, потому что и примкнули ея члены къ мирнообновленцамъ только уже въ самой Думѣ. Сюда вошли и тѣ, кто не рѣшался стать кадетомъ, и тѣ, кому неловко было быть октябристами. Группа эта продолжаетъ расти за счетъ октябристовъ, особенно въ самое послѣднее время. Дальше идетъ наша фракція-народной свободы (53). Среди оппозиціи она—наиболѣе численная. Лѣвѣе партіи народной свободы сидятъ остальныя двѣ группы оппозиціи: трудовики (15) и соціалъ-демократы (18). Кромѣ трехъ перечисленныхъ оппозиціонныхъ группъ нужно упомянуть еще двѣ національныя фракціи, мусульманскую (9) и польское коло, вмѣстѣ съ польской, литовской и бѣлорусской группами (18). Мусульмане большей частью дѣйствуютъ вмѣстѣ съ нами. Поляки же въ послѣднее время пытались сблизиться съ октябристами и отъ времени до времени поддерживаютъ правительственное большинство. Значитъ, всѣхъ насъ вмѣстѣ взятыхъ, всей оппозиціи можно насчитать въ этой Думѣ, исключая поляковъ, около 131 человѣкъ, Положеніе, какъ видите, неравное. Насъ всѣхъ 131, а правительственное большинство, къ которыму часто примыкаютъ поляки и крайніе правые (214+69+18) = 301. Казалось бы, что никакого вліянія мы имѣть не можемъ. Конечно, такъ и было бы, если бы вліяніе мѣрилось числомъ и если бы правительственное большинство знало, къ чему идетъ, и дѣйствовало бы болѣе сплоченно и дружно. Но при существующихъ обстоятельствахъ, мы все же имѣемъ въ Думѣ

нѣкоторое вліяніе. Прежде всего, среди нашей группы оказалось довольно много лицъ, имѣющихъ спеціальныя познанія. Поэтому, хотя до сихъ поръ относились къ нашей фракціи очень враждебно, тѣмъ не менѣе нашимъ товарищамъ пришлось принимать довольно много участія въ дѣловой работѣ Думы. Такъ, Маклаковъ составилъ новый наказъ, Карауловъ былъ предсѣдателемъ въ старообрядческой и товарищемъ предсѣдателя въ вѣроисповѣдной комиссіи, Шингаревъ имѣлъ большое вліяніе на работы по государственному хозяйству, Челноковъ—по морскому вѣдомству, Некрасовъ—по желѣзнодорожнымъ вопросамъ, Виноградовъ—по переселенческимъ, Степановъ—по рабочему, и т. д.

Наше вліяніе въ этой Думѣ объясняется, впрочемъ, не одной необходимостью для Думы пользоваться знаніями и извѣстными практическими и теоретическими свѣдѣніями нашихъ товарищей. Сказывается въ этой Думѣ и нашъ демократизмъ. Мы выставили еще въ 1-ой и 2-ой Государственной Думѣ широкую программу реформъ, предназначенныхъ для улучшенія положенія широкихъ общественныхъ классовъ. Вы знаете, что въ рядахъ правительственнаго большинства и правѣе сидитъ довольно много представителей этихъ общественныхъ классовъ: крестьяне, священники. Они очень боятся показать открыто, что они съ нами согласны, потому что на священниковъ оказываетъ вліяніе Св. Синодъ, а на крестьянъ—выбравшіе ихъ помѣщики. Однако, все-таки крестьянинъ, хотя и болѣе удобный для помѣщика, остается крестьяниномъ. Хотя крестьяне и получаютъ теперь, какъ и всѣ остальные члены Думы, по 4.200 р. въ годъ, но отъ крестьянства отстать не успѣли. Они понимаютъ, что когда вернутся на родину,—имъ придется имѣть дѣло со своими односельчанами и отвѣтить передъ ними построже, чѣмъ священники отвѣчаютъ передъ Св. Синодомъ. Это и сказывается. Крестьяне, хотя и не показываютъ открыто, что они съ нами, но, гдѣ дѣло коснется интересовъ крестьянства, очень часто оказываются на нашей сторонѣ. Напримѣръ, осенью 1908 г. мы вмѣстѣ съ крестьянами поставили на очередь въ Думѣ обсужденіе указа 9 ноября 1906 г. о выходѣ изъ общины. Прави-

тельственное большинство этого не хотѣло. А что показало голосованіе? На нашей сторонѣ оказалось 130, а на той сторонѣ, которая какъ разъ передъ тѣмъ похвалялась своей силой—всего 125! Какъ вы видите, наше вліяніе по численности небольшое, а по нашимъ, отчасти знаніямъ, отчасти демократизму, оно гораздо значительнѣе. Конечно, нельзя забывать, что преобладающіе интересы, которые, главнымъ образомъ, защищаетъ эта Дума, суть интересы не демократическихъ слоевъ. Это интересы землевладѣльческіе, сельскохозяйственные, крупнаго и средняго владѣнія. Города въ этой Думѣ представлены довольно слабо. А второй разрядъ городскихъ избирателей представленъ еще слабѣе.

Какія же задачи падаютъ на насъ, вашихъ избранниковъ, на этихъ немногочисленныхъ представителей конституціоннаго демократизма въ 3-ей Государственной Думѣ? Задачъ этихъ—двѣ. Съ одной стороны, мы не можемъ забывать, что мы должны защищать именно интересы городскихъ демократическихъ слоевъ. Съ другой стороны, мы считаемъ, что въ этой Думѣ мы представляемъ вообще русскую демократію. Мы избраны самой передовой частью населенія Россійской Имперіи, и, уже по одному этому, мы должны представлять не только узкіе мѣстные и групповые интересы, но и интересы всего государства. Мы обязаны въ Думѣ указывать вообще на тотъ правильный путь, на который должна стать Россія въ ея будущемъ развитіи. Только тогда, когда побѣдитъ нашъ взглядъ на общую политику государства, будутъ обезпечены наилучшимъ образомъ и интересы городской демократіи. Такимъ образомъ, вы не назовете самозванствомъ и не сочтете уклоненіемъ отъ даннаго вами порученія, если въ Думѣ мы говоримъ не только отъ имени города Петербурга, и даже не только отъ имени одной городской демократіи, но и отъ имени всего русскаго народа. Мнѣ въ Думѣ напомнили недавно, когда я говорилъ о крестьянахъ, что я представитель „гнилого“ Петербурга. На это я считалъ себя вправѣ отвѣтить, что я получилъ 22 тысячи голосовъ столичнаго населенія, тогда какъ всѣ остальные землевладѣльцы, сидящіе въ думѣ, вмѣстѣ взятые, получили только 19

тысячъ голосовъ во всей Россіи. Позвольте думать, что этотъ отвѣтъ мой вы найдете правильнымъ.

Итакъ, господа, я вполнѣ увѣренъ, что для васъ вполнѣ ясна связь между вашими частными интересами и интересами общими, всероссійскими. Вамъ безъ сомнѣнія понятно, что отъ благосостоянія Россіи зависитъ и ваше собственное благосостояніе.

Теперь я перейду къ тому, что же мы предпринимали въ Думѣ прежде всего въ вашихъ ближайшихъ интересахъ, какъ представители городскихъ слоевъ, а потомъ въ болѣе широкомъ смыслѣ, какъ представители всей демократической Россіи.

Я сказалъ, что эта Дума не занимается интересами городской демократіи. Многаго мы не могли сдѣлать. Тѣмъ не менѣе, начало мы положили. Мы внесли въ эту Думу нѣсколько законопроектовъ для улучшенія быта городской демократіи и приняли энергичное участіе въ обсужденіи другихъ подобныхъ законопроектовъ, внесенныхъ правительствомъ.

Проекты эти—слѣдующіе. 1) въ 1-ую Думу мы внесли проектъ закона объ обезпеченія отдыха торгово-промышленныхъ служащихъ. Этотъ проектъ въ нѣсколько другомъ видѣ былъ внесенъ нами еще во вторую Думу. Потомъ онъ былъ нами пересмотрѣнъ при участіи приказчиковъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Я не буду подробно излагать содержаніе проекта, укажу только общія начала его. Нашъ проектъ исходитъ изъ слѣдующихъ трехъ главныхъ положеній. Во первыхъ, мы предлагаемъ ввести нормальный 8-ми часовой рабочій день, съ 2-хъ часовымъ перерывомъ для обѣда, всего 10 часовъ. Въ такихъ промышленныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ рабочій день долженъ продолжаться дольше и даже тянуться цѣлыя сутки, мы вводимъ 16-ти или 24-хъ часовой день съ 2-мя или 3-мя очередями. Другая главная черта нашего проекта заключается въ томъ, что мы требуемъ полнаго прекращенія торговли одинъ разъ въ недѣлю. Сперва была мысль обезпечить каждому служащему отдыхъ не въ одинъ и тотъ же опредѣленный день, а когда нужно по его вѣрѣ (суббота и пятница для евреевъ и мусульманъ). Но потомъ мы пришли къ выводу, что предоставить

торгово-промышленнымъ служащимъ самимъ опредѣлять свой праздничный день въ недѣлѣ чрезвычайно неудобно. Если каждый служащій въ заведеніи будетъ для себя опредѣлять день праздника, то хозяева никакого праздника не дадутъ. Долженъ быть одинъ опредѣленный день въ недѣлю, когда заведеніе должно быть закрыто. Выборъ дня устанавливается по соглашенію хозяина со служащими. Тамъ, гдѣ служащіе преимущественно мусульмане – будетъ, конечно, выбранъ мусульманскій день; гдѣ православные—православный и т. д. Третья главная черта, которой нашъ проектъ отличается отъ правительственнаго закона 19 ноября 1906 г., изданнаго въ порядкѣ чрезвычайнаго законодательства, заключается въ слѣдующемъ. Тамъ предоставляется право всѣ подробности отдыха опредѣлять мѣстнымъ органамъ самоуправленія, т. е. или городскому представительству или органамъ, которыми правительство его замѣняетъ тамъ, гдѣ нѣтъ городского самоуправленія. Существуютъ, правда, и теперь смѣшанныя комиссіи. Но въ нихъ только $^1/_3$ мѣстъ принадлежитъ торгово-промышленнымъ служащимъ. И то, что они рѣшатъ, не обязательно: обязательныя рѣшенія принимаются только органами самоуправленія. Нашъ проектъ предоставляетъ всѣ подробности отдыха устанавливать самимъ торгово-промышленнымъ служащимъ. Смѣшанныя комиссіи, вырабатывающія эти подробности, (которыя для каждой мѣстности Россіи могутъ и должны быть различны) должны быть составлены изъ *равнаго* числа представителей хозяевъ и приказчиковъ. Предсѣдателемъ комиссіи должно быть лицо, не заинтересованное—невходящее въ составъ комиссіи. Онъ можетъ быть свѣдущимъ лицомъ, приглашеннымъ со стороны. То, что постановятъ эти комиссіи, есть уже окончательное рѣшеніе. Органы городского самоуправленія только публикуютъ это рѣшеніе, безъ всякихъ измѣненій. Вотъ тѣ основныя черты нашего проекта, на которыхъ онъ построенъ.

Проектъ этотъ былъ внесенъ въ Думу еще 5 апрѣля 1908 г. и переданъ былъ въ думскую, такъ называемую, рабочую комиссію. Къ сожалѣнію, во всѣхъ думскихъ комиссіяхъ мы составляемъ меньшинство. Изъ 33 мѣстъ всей оппозиціи даютъ отъ 9 до 11, а изъ нихъ партіи

народной свободы—4 мѣста. Стало быть, и въ рабочей комиссіи большинство—октябристы и умѣренно-правые. Естественно, что такая комиссія оказалась не особенно заботлива объ интересахъ торгово-промышленныхъ служащихъ. Она, во-первыхъ, никакъ не могла собраться: то докладчика нѣтъ, то предсѣдатель комиссіи уѣхалъ, то соберутся, да не въ полномъ составѣ. Такимъ образомъ, къ концу 1908 года рабочей комиссіи изъ нашего проекта удалось разсмотрѣть одну только первую статью. О ней долго толковали и не пришли ни къ какимъ результатамъ. Я вамъ приведу и другой примѣръ того, какъ относится октябристское большинство рабочей комиссіи къ интересамъ рабочаго сословія. Министръ финансовъ внесъ въ Государственную Думу законопроектъ о томъ, чтобы вознаграждать за увѣчья и за потерю трудоспособности при профессіональныхъ заболѣваніяхъ тѣхъ рабочихъ и вольнонаемныхъ служащихъ, которые служатъ въ заведеніяхъ министерства финансовъ. Ихъ не мало: товарищъ министра финансовъ съ каѳедры недавно сказалъ намъ, что ихъ 136 тысячъ. Законопроектъ этотъ составленъ былъ собственно для 2-ой Думы. То время значительно отличалось отъ теперешняго. Тогда правительство не рѣшалось идти въ Думу съ никуда негодными проектами. И этотъ проектъ, составленный для 2-ой Думы, былъ довольно либераленъ. Другіе подобные проекты правительство внесло въ 3-ью Думу, передѣлавъ ихъ вновь и ухудшивъ. Но этотъ проектъ внесенъ былъ въ прежнемъ видѣ.

Въ чемъ именно заключается его либеральность? Существуетъ общій законъ 2 іюня 1903 г. Но онъ обезпечиваетъ рабочихъ только за увѣчья, и совсѣмъ не обезпечиваетъ вознагражденія за профессіональныя заболѣванія (напр. свинцовое отравленіе у наборщиковъ, заболѣванія легкими у табачниковъ, ревматизмъ у рудокоповъ и т. д). Проектъ новаго закона, внесенный министромъ финансовъ, расширилъ примѣненіе вознагражденія: кромѣ увѣчья онъ ввелъ также вознагражденіе за профессіональныя заболѣванія. Кромѣ того, этотъ проектъ расширилъ также и количество лицъ, пользующихся закономъ. По существующему закону 1903 г. вознагражде-

ніе давалось только тѣмъ рабочимъ, которые служили по разсчетной книжкѣ, а на вольнонаемныхъ вознагражденіе не распространялось. Проектъ же министра финансовъ распространяетъ вознагражденіе и на служащихъ по вольному найму. И то и другое мы считали, конечно, важнымъ достоинствомъ новаго законопроекта. Но для рабочей комиссіи какъ разъ это самое и показалось большимъ недостаткомъ. Вѣдь если бы удалось провести въ Думѣ такой законъ для рабочихъ министерства финансовъ, то пришлось бы потомъ распространить его и на рабочихъ, служащихъ у частныхъ предпринимателей! Сторонники частныхъ предпринимателей въ Думѣ и сообразили, что имъ всего выгоднѣе затормозить законопроектъ министерства 1908 г.

Сперва, какъ сказано, рабочая комиссія никакъ не могла собраться. Наконецъ она собралась... и рѣшила отвергнуть законопроектъ по *формальнымъ* соображеніямъ. Все равно, правительство скоро внесетъ общій проектъ для всѣхъ рабочихъ: такъ мы подождемъ того проекта, и тогда уже выработаемъ общій законъ, на одинаковыхъ условіяхъ для всѣхъ.

Тогда наши члены комиссіи стали настаивать на томъ, чтобы комиссія, если отвергаетъ проектъ, то отвергала бы его не по формальной причинѣ, а по существу дѣла. Докладчикъ комиссіи баронъ Тизенгаузенъ принужденъ было согласиться. Въ своемъ докладѣ онъ прямо указалъ, что проектъ *неправильно* расширяетъ вознагражденіе съ увѣчьевъ на профессіональныя заболѣванія и съ рабочихъ на вольнонаемныхъ служащихъ. 24 іюня 1908 г. докладъ комиссіи былъ наконецъ поставленъ на повѣстку, для обсужденія въ общемъ засѣданіи Думы. И вдругъ какія-то невидимыя руки его сняли!

Законъ исчезъ вплоть до осени. Только 10 ноября онъ былъ поставленъ на повѣстку вновь. Когда его ставили, то тутъ только большинство поняло, что оно становится въ неловкое положеніе. Какъ отвергнуть публично проектъ по тѣмъ основаніямъ, которыя составляютъ его безспорное достоинство? Тогда рѣшено было какъ-нибудь снять проектъ, вернуть его назадъ въ комиссію и поручить комиссіи еще разъ разсмотрѣть его. Во время преній

нашъ представитель потребовалъ, однако, чтобы комиссія, которая цѣлый годъ разсматривала проектъ, высказала наконецъ Думѣ: что же она нашла въ немъ дурного? Тогда депутатъ Каменскій, тоже октябристъ, но болѣе лѣвый, пришелъ на помощь рабочей комиссіи. Онъ разошелся во мнѣніи съ докладчикомъ и предложилъ дать рабочей комиссіи новое порученіе: составить докладъ въ смыслѣ не отклоненія, а принятія проекта. Оппозиція возражала противъ новой отсрочки. Зачѣмъ нужны для этого 2 мѣсяца? Если нужно вынести новое рѣшеніе, то это можно сдѣлать въ 2 часа! Мы предложили 2 недѣли: большинство уступило и сошлось на одномъ мѣсяцѣ. Тогда проектъ снова пошелъ въ комиссію, какъ оказалось вскорѣ, для новыхъ злоключеній. Докладчикъ Тизенгаузенъ предложилъ комиссіи взять за основу для обсужденія—не тотъ проектъ, о которомъ шла рѣчь, а старый законъ 1903 г., съ тѣмъ, чтобы отвергнуть все то, что въ новомъ проектѣ не сходилось со старымъ закономъ. И только въ самомъ концѣ сессіи 1908—9 г. законопроектъ наконецъ былъ поставленъ на обсужденіе Думы, и то лишь первая часть его: о вознагражденіи за увѣчья. Вопросъ о вознагражденіи за профессіональныя заболѣванія былъ снова отложенъ.

Какъ видите, дѣло идетъ въ нашей Думѣ чрезвычайно медленно, какъ только вопросъ сколько-нибудь касается рабочихъ интересовъ. Послѣ этого вамъ будетъ понятно, какъ намъ трудно въ этой Думѣ что-нибудь сдѣлать для тѣхъ городскихъ слоевъ, которыми мы избраны. Внеся нашъ законопроектъ объ отдыхѣ, мы затѣмъ распространили его и на ремесленныхъ служащихъ. Мы считаемъ, кромѣ того, что никакой законъ не будетъ имѣть силу, если не урегулированы отношенія между служащими и предпринимателями. Поэтому мы уже выработали и внесли въ Государственную Думу законопроектъ о наймѣ. Этотъ проектъ пока еще рабочей комиссіей вовсе не разсматривался. Затѣмъ мы предполагаемъ выработать еще законъ, устанавливающій надзоръ за торгово-промышленными заведеніями—законъ о торговой инспекціи. Для полноты я упомяну еще объ одномъ законѣ: мы внесли въ Государственную Думу

проектъ новаго городскаго избирательнаго закона. Вы сами хорошо знаете, какое незначительное число жителей Петербурга состоятъ избирателями въ городскую Думу; мы хотимъ расширить избирательныя права. Господствующее большинство, однако, отложило этотъ проектъ: онъ не былъ переданъ ни въ какую комиссію вплоть до февраля 1909 г., когда всѣ залежавшіеся проекты, внесенные членами Думы, сразу были распредѣлены по комиссіямъ. На быстроту хода этого закона, конечно, никакой надежды нѣтъ. Но то, что отъ насъ зависитъ, мы сдѣлали. И впредь мы будемъ подталкивать думскія комиссіи, чтобы онѣ хоть что-нибудь сдѣлали въ интересахъ городской демократіи.

Спрашивается, о какихъ же интересахъ заботится третья Дума? Составъ этой Думы, по преимуществу, землевладѣльческій. Понятно, что на первый планъ выдвигается законъ земельный. Но, разумѣется, это совсѣмъ не такой законъ, который былъ бы желателенъ для крестьянъ. Споры о немъ шли въ Государственной Думѣ втеченіи всей зимы 1908—1909 г.г.

Я говорю, конечно, объ указѣ 9 ноября 1906 г., который былъ изданъ въ промежутокъ между двумя Думами въ экстренномъ порядкѣ—статьи 87-ой. Законъ изданъ наспѣхъ, а дѣло—слишкомъ серьезное. Цѣль закона, какъ откровенно выразился докладчикъ Шидловскій, заключается въ томъ, чтобы насадить частную собственность. Община, много лѣтъ находившаяся подъ покровительствомъ и подъ опекой правительства, теперь вдругъ оказалась неблагонадежной. Міръ оказался чѣмъ-то вродѣ коммунистовъ или соціалистовъ. И вотъ правительство, желая ввести въ крестьянскую среду то понятіе о собственности, какое само имѣетъ, усердно принялось разрушать тѣ понятія, которыя сами крестьяне имѣли о собственности на „надѣльныя“ земли. Съ точки зрѣнія крестьянскаго міра, надѣльная собственность принадлежитъ міру. Міръ эту землю дѣлитъ между своими членами: значитъ, у каждаго члена міра имѣется доля участія въ землѣ, и эта доля каждымъ передѣломъ вновь опредѣляется. Такъ, по крайней мѣрѣ, русскій крестьянинъ привыкъ съ давнихъ поръ представлять себѣ свою

земельную собственность. Теперь правительство говоритъ: нѣтъ! Вѣдь земля по положенію 1861 года выкупалась не всѣмъ міромъ, а отдѣльными хозяевами. Разъ выкупали отдѣльные хозяева, значитъ, каждый имѣетъ право на свою особую часть. Прежде крестьянскій обычай и практика признавали надѣльныя доли – семейной собственностью. По указу же 9 ноября вводится собственность не семейная, а личная. Чтобы ускорить разложеніе общины и переходъ надѣльной земли въ частную собственность, указъ 9 ноября далъ право каждому закрѣплять за собой ту долю, которою хозяинъ въ настоящій моментъ владѣетъ по мірскому раздѣлу. По указу этому каждый крестьянинъ имѣетъ право во всякое время потребовать, чтобы тотъ участокъ, которымъ онъ сейчасъ фактически владѣетъ, былъ за нимъ укрѣпленъ, и община не въ силахъ помѣшать этому. Прежде противъ общины всегда говорили: плохо то, что съ общинами неразрывно связана черезполосица. Теперь эта черезполосица закрѣпляется. Кто укрѣпитъ за собою участокъ земли, тотъ можетъ его даже и обнести заборомъ. Еще яснѣе видно, какую цѣль преслѣдовало правительство, если вы вспомните, что черезъ недѣлю послѣ этого указа, 15 ноября 1906 г. изданъ указанъ о правѣ залога. Прежде закладывать надѣльную землю нельзя было, земля въ чужія руки перейти не могла. Теперь правительство рѣшило: если у крестьянъ земли мало, то пускай лишніе выселяются на новые участки. Чтобы дать крестьянамъ возможность достать денегъ на покупку новой земли и установлено право закладывать старый участокъ, а укрѣпивъ за собой надѣльную долю, можно и совсѣмъ продать ее.

Значитъ, право укрѣпленія участковъ въ мірской землѣ нужно было, прежде всего, для того, чтобы имѣть право продать эту землю и уйти отъ нея. Продать кому? Продается крестьянамъ изъ того же или и изъ другого общества. Какимъ же крестьянамъ? Вы знаете, что въ общинѣ русской и прежде были крестьяне имущіе, болѣе богатые, „крѣпкіе и сильные“, которые подбирали чужіе участки, и бѣдные безхозяйные, которые бросали свои. Указъ 9 ноября даетъ кулаку полную возможность по закону отнять у міра землю, а міръ, дѣйствительно, пустить по

міру. Есть уже примѣръ скупки такимъ путемъ цѣлыхъ тысячъ надѣльныхъ участковъ въ однѣ руки. Только теперь правительство внесло въ Думу дополненіе къ указу, чтобы нельзя было покупать больше 6 надѣловъ каждому.

Правительство сочло опасной и революціонной ту земельную реформу, которую въ первой Думѣ предлагала партія народной свободы. Но то, что теперь дѣлаетъ указъ 9 ноября, гораздо опаснѣе всѣхъ нашихъ предложеній. Мы хотѣли отчудить землю отъ немногихъ крупныхъ землевладѣльцевъ для огромной крестьянской массы, а правительство хочетъ отчудить у массы для немногихъ. Но я не буду высказывать сужденій объ указѣ 9 ноября своими словами. Позвольте мнѣ прочесть, какъ судитъ о немъ такая консервативная газета, какъ „Петербургскія Вѣдомости". Тамъ говорится, что указъ 9 ноября „актъ революціонный", потому что нарушаетъ право собственности. А вѣдь указъ придумали будто-бы для того, чтобы ее укрѣпить. Указъ 9 ноября, говорится въ газетѣ, „нарушаетъ право собственности, твердо установленное закономъ и народнымъ правосознаніемъ. Рѣшительно всѣ согласны, что этотъ законъ никуда не годится. Противъ такого насильственнаго уничтоженія общины высказались всевозможныя направленія: союзъ русскаго народа и народники, партія народной свободы и представители экономической науки; далѣе вся печать безъ исключенія; спеціалисты по крестьянскому праву. Наконецъ, противъ насильственнаго уничтоженія общины сами противники общины, самъ народъ, который во многихъ мѣстахъ заявляетъ, что онъ подчинится только вооруженной силѣ".

Какъ происходитъ примѣненіе этого закона? Намъ говорили, что дѣло идетъ мирно и гладко. И министерство, и представители большинства постоянно утверждали, что указъ 9 ноября жизненъ и жизнеспособенъ: что противъ него борятся только агитаторы. Я уже читалъ съ каѳедры Государственной Думы часть крестьянскихъ писемъ, которыя получаю въ большомъ количествѣ и которыя утверждаютъ совершенно другое. Позволю себѣ прочесть вамъ одно изъ совсѣмъ свѣжихъ—изъ Рязанской губ., уѣзда и волости не называю.

Вотъ что мнѣ пишутъ:

„Для поощренія земскаго начальника къ энергичной работѣ, ему обѣщанъ въ будущемъ постъ вице-губернатора, какъ и всѣмъ остальнымъ земскимъ начальникамъ". Далѣе, дается ему по 1 рублю за каждаго, укрѣпившаго за собою землю крестьянина. Такимъ образомъ, земскій начальникъ заработалъ 800 рублей. Какъ онъ при этомъ дѣйствовалъ? „Достойнаго сотрудника себѣ онъ нашелъ въ лицѣ земскаго старосты, которому обѣщалъ серебряную медаль и мѣсто члена въ землеустроительной комиссіи. Сначала, несмотря на долгія увѣщанія, никто, всетаки, не рѣшался заявить свое согласіе на выходъ на отрубъ; листъ для подписей долго оставался пустымъ. Тогда на колеблющихся начали дѣйствовать угрозами. Наконецъ, на листѣ появились подписи, причемъ первымъ подписался староста, которому было все равно, какая земля ему ни достанется. Какъ только появились эти подписи, староста пошелъ по избамъ. Такъ какъ земскій сказалъ, что чѣмъ кто скорѣй подпишется, тѣмъ лучшая земля ему достанется, страхъ оказаться надѣленнымъ негодной землей заставилъ торопиться заявленіями о выдѣлѣ, причемъ остальныя подписи собирались не даромъ, а съ поднесеніями 2—6 бутылокъ пива. Получивъ такимъ образомъ листъ съ именами 80 домохозяевъ, земскій начальникъ протянулъ руку старостѣ и заявилъ, что онъ считаетъ его первымъ человѣкомъ въ волости, и что онъ будетъ первымъ кандидатомъ на мѣсто старшины". Затѣмъ былъ вызванъ землемѣръ; всѣ домохозяева были раздѣлены на 4 группы, изъ которыхъ каждая должна была выбрать уполномоченнаго. Каждый уполномоченный получилъ завѣреніе, что его группѣ будетъ дана лучшая земля. Это, конечно, стало извѣстнымъ, явились недоумѣнія. „Поѣхали въ поле; землемѣръ сталъ разрѣзать землю на участки въ 6 верстъ длины. Удобная земля оказалась только на протяженіи первой версты. Увидѣвъ, какимъ образомъ они будутъ надѣлены, крестьяне заволновались и выгнали землемѣра изъ села. Теперь крестьяне заявляютъ рѣшительно, что они отказываются отъ выхода на отруба. Земскій начальникъ негодуетъ, разочарованъ и, говорятъ, съ горя запилъ".

59442

Хорошо, что дѣло еще кончилось пьянствомъ земскаго начальника, а намъ въ Государственной Думѣ депутатъ крестьянинъ съ каѳедры говорилъ: „намъ не иначе придется, какъ другъ друга жечь и рѣзать".

Вотъ какого рода законопроектъ обсуждался въ Государственной Думѣ. Какъ же отнеслись къ нему большинство и думскіе крестьяне?

Большинство въ земельной комиссіи еще ухудшило законъ сравнительно съ предложеніемъ правительства. Оно ввело въ него новое постановленіе, что крестьяне въ тѣхъ общинахъ, гдѣ за 24 года не было общаго передѣла (хотя бы частные и были), безъ всякаго своего желанія, безъ всякаго заявленія становятся частными собственниками своихъ участковъ. Другими словами въ этихъ селеніяхъ община уничтожается сама собой, безъ всякаго приговора крестьянъ.

Вначалѣ я сказалъ, что въ Государственной Думѣ много крестьянъ, которые хотя и выбраны помѣщиками, хотя и сидятъ вмѣстѣ съ большинствомъ, однако не утратили своей связи съ крестьянскимъ сословіемъ. Можно было ожидать, что эти крестьяне выскажутся противъ министерскаго закона и тѣмъ спасутъ русское крестьянство отъ потери земли и отъ тяжелой ломки всего ихъ быта. Этого же боялось и правительство. Всѣ ждали поэтому первыхъ голосованій по закону съ величайшимъ волненіемъ. Судя по тѣмъ рѣчамъ, которыя произносились многими крестьянами съ каѳедры, можно было думать, что они будутъ голосовать противъ закона. Ихъ голоса вмѣстѣ съ оппозиціей и съ крайними правыми могли бы провалить законъ. Но правительство потребовало принятія закона, давъ понять, что оно во всякомъ случаѣ настоитъ на своемъ. Въ Думѣ заговорили о томъ, что возможенъ роспускъ. И этого было довольно, чтобы повліять на крестьянъ, - тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ, особенно зажиточные и многоземельные, начали понимать выгоду для себя лично отъ новаго закона. Большинствомъ всего только 8 голосовъ первый спорный отдѣлъ закона прошелъ, а затѣмъ остальная часть прошла уже легче. Правительство, чтобы помѣшать скупкѣ многихъ надѣловъ въ однѣ руки, внесло само дополненіе

къ закону, по которому нельзя одному крестьянину скупать больше 6 надѣловъ. Противъ этого уже заговорили нѣкоторые изъ самихъ крестьянъ-депутатовъ, требуя полной свободы—обездоливать своихъ однообщественниковъ и наживаться на счетъ бѣдныхъ крестьянъ. Едва удалось отстоять ограниченіе скупки надѣловъ отъ разыгравшихся кулацкихъ аппетитовъ.

Я думаю, что на этихъ двухъ примѣрахъ—рабочей комиссіи и земельнаго закона я далъ достаточное представленіе о томъ, кто составляетъ большинство въ третьей Государственной Думѣ и чьи интересы тамъ лучше всего защищаются.

Но есть и другія стороны дѣятельности Государственной Думы, которыя, можетъ быть, рисуютъ ее съ болѣе выгодной стороны.

Вы видѣли, что соціальный составъ 3-ей Государственной Думы не позволяетъ надѣяться, что она будетъ заботиться объ улучшеніи положенія широкихъ классовъ и слоевъ русскаго населенія. Но, обыкновенно, сторонники 3-ей Государственной Думы указываютъ на другое. Конечно, землевладѣльцы, преобладающіе въ этой Думѣ, блюдутъ свои интересы. Но въ то же время они блюдутъ интересы государства, когда дѣло доходитъ до государственнаго кошелька. Они участвуютъ же въ платежахъ налоговъ. Вѣдь налоги въ Россіи уже теперь тяжелѣе, чѣмъ въ прочихъ многихъ и многихъ европейскихъ странахъ. Налоги считаются сравнительно легкими, если казна беретъ изъ 100 руб. чистаго дохода не болѣе 5-ти руб. Если она беретъ 10 руб., то это уже серьезный налогъ. Тяжело, если она беретъ 15 руб. изъ 100 руб. А у насъ дѣло доходитъ чуть ли не до 20 руб. Всѣ одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы денегъ шло въ казну не болѣе, чѣмъ нужно, и чтобы онѣ расходовались съ толкомъ. Вездѣ и всегда такъ бывало, что страна больше и раньше всего заинтересовывалась, какъ расходуются народныя деньги. Народъ пріобрѣталъ себѣ мало по малу конституціонныя права именно этимъ путемъ: закрѣпляя въ своихъ рукахъ надзоръ за расходованіемъ народныхъ денегъ.

Что же можетъ въ этомъ отношеніи сдѣлать 3-ья Государственная Дума? Я долженъ сказать, что, дѣйствительно, если вы заглянете въ то, что дѣлается въ бюджетной комиссіи Государственной Думы, вы получите впечатлѣніе гораздо благопріятнѣе того, которое вы получили изъ моего разсказа о томъ, что дѣлаетъ рабочая комиссія. Бюджетная комиссія завалена работой. Она, дѣйствительно, работаетъ не покладая рукъ, чрезъ ея руки проходитъ огромный матеріалъ. Надо, провѣрить всю 2-хъ милліардную смѣту по всѣмъ вѣдомствамъ, и каждый рубль этой смѣты впервые приходится разсматривать. На одинъ трудъ ознакомиться съ этимъ матеріаломъ должна уйти масса времени. Такимъ образомъ, бюджетная комиссія, несомнѣнно, работаетъ. Ею руководитъ при этомъ желаніе проконтролировать каждую копейку. Въ бюджетной комиссіи поэтому и настроеніе очень дружное, и представители разныхъ партій часто очень согласно голосуютъ и обсуждаютъ вопросы.

Но вопросъ вотъ въ чемъ: при всемъ желаніи затратить и время и трудъ, при всей готовности учесть народную копейку, что можетъ сдѣлать Дума? Нужно сказать, что всѣ ея бюджетныя права очень урѣзаны. Правительство, когда оно составляло законы для Думы, постаралось такъ устроить, чтобы всячески оградить себя. Тогда предполагали, что придутъ народные представители и прежде всего все раззорятъ. Нужно было поставить преграды, чтобы они по крайней мѣрѣ самаго важнаго не трогали. Такимъ образомъ, отъ народныхъ представителей „забронировали“ большую часть бюджета. Я уже не говорю о Вѣдомствѣ Императрицы Маріи, о Министерствѣ Императорскаго Двора, которыя не хотятъ зависѣть отъ доброй воли народныхъ представителей. Но и цѣлый рядъ другихъ расходовъ строго забронированы отъ Государственной Думы. Всякій расходъ, который опирается на какой-нибудь прежній, не только законъ, но и всеподданнѣйшій докладъ, Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта и т. п., все, что хоть разъ когда-нибудь было основано на такихъ законахъ и ассигновкахъ, строго изъято изъ власти народныхъ представителей. Чтобы сократить такіе расходы,

надо всякій разъ вносить новый законъ, проводя его черезъ Г. Думу и Г. Совѣтъ на утвержденіе Монарха.

Такимъ образомъ, почти половина бюджета (47%) совсѣмъ не подлежитъ измѣненіямъ и сокращеніямъ народныхъ представителей. А изъ остальныхъ 53% большую часть составляютъ такіе расходы, которые никакъ убавить нельзя или очень трудно: расходы по винной монополіи, по желѣзнымъ дорогамъ и т. п. затраты на казенныя операціи, на жалованіе служащимъ и т. д. Во 2-ую Думу мы внесли проектъ о расширеніи бюджетныхъ правъ Думы, о томъ, чтобы народные представители, находя неправильнымъ извѣстный расходъ, хотя бы и закрѣпленный прежнимъ закономъ, могли его измѣнить въ смѣтномъ порядкѣ. Тѣ правила, которыя ограничиваютъ права Думы—правила 8 марта 1906 г.—мы предлагали измѣнить. Правительство отвѣтило тогда отказомъ. И теперь, когда мы опять внесли нашъ проектъ въ 3-ю Думу, почти полнымъ отказомъ отвѣтилъ министръ финансовъ, за исключеніемъ двухъ, не особенно важныхъ поправокъ.

Но нужно сказать, что само правительство, когда ему самому приходится что-нибудь мѣнять, вовсе не стѣсняется этими правилами, обязательными лишь для Думы. Напримѣръ, въ прошломъ году Думѣ приходилось разсматривать по министерству Народнаго Просвѣщенія отдѣльно по каждому учрежденному вновь училищу его штаты—въ законодательномъ порядкѣ. Что же сдѣлало министерство въ этомъ году? Оно всѣ законопроекты объ учрежденіи школъ провело въ одномъ общемъ законѣ и разрѣшило Думѣ провести это не въ порядкѣ изданія закона, а въ смѣтномъ порядкѣ, т. е. въ порядкѣ смѣтнаго назначенія. Рядъ подобныхъ нарушеній правилъ 8 марта показываетъ, что правительство само находитъ эти правила стѣснительными. Но для Думы оно не находитъ возможнымъ ихъ измѣнить.

Мало того, что права народныхъ представителей неполны, что большая часть расходовъ ограждена отъ него,—есть такіе расходы, которые идутъ мимо Думы. Есть цѣлый рядъ дыръ, черезъ которыя народныя деньги вытекаютъ изъ казны, такъ что Дума не можетъ ихъ контролировать. Приведу 4 пункта. 1) Желѣзнодорожные

тарифы. Вѣдь очень много зависитъ отъ того, повышаются или понижаются эти тарифы. Въ прошломъ году, напр., ихъ повысили и это, конечно, должно было отразиться на доходахъ. Но объ измѣненіи тарифовъ совершенно не спрашиваютъ Государственную Думу. 2) Совсѣмъ не зависитъ отъ Думы таможенное обложеніе. Таможенное обложеніе иностранныхъ товаровъ опредѣляется торговыми договорами съ иностранцами, а торговые договоры заключаются Верховной властью. 3) Постройка частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Какъ вы знаете, дорогъ строится довольно много, а прибыльныхъ мало. Тѣ, которые ихъ строятъ, стремятся, разумѣется, себя заранѣе обезпечить отъ убытковъ, обращаются къ правительству, и правительство имъ заранѣе гарантируетъ извѣстный доходъ. Что же происходитъ? Происходитъ то, что хотя разрѣшеніе этихъ гарантированныхъ частныхъ предпріятій дается не Думою, но когда приходится платить по гарантіямъ, тогда приходятъ къ Думѣ и говорятъ: пожалуйте денегъ. Фракція народной свободы внесла запросъ, въ которомъ утверждала, что такой порядокъ разрѣшенія—не черезъ Думу, а черезъ II департаментъ Госуд. Совѣта не только по существу неправиленъ, но даже противорѣчитъ закону. На нашу сторону сталъ и предсѣдатель бюджетной комиссіи и часть октябристовъ. Тогда министръ Финансовъ всячески пытался доказать, что дѣло, вообще, не подлежитъ сужденію Думы. А когда это не удалось, октябристы же стали всячески оттягивать голосованіе по нашему запросу. Нѣсколько мѣсяцевъ вопросъ оставался нерѣшеннымъ, а разрѣшенія на постройку новыхъ желѣзныхъ дорогъ съ казенной гарантіей тѣмъ временемъ продолжали даваться помимо Г. Думы. Кончилось тѣмъ, что октябристы сами отступились отъ своего взгляда и подчинились желанію министра финансовъ. Министръ хотѣлъ, чтобы Дума попросила рѣшить вопросъ новымъ закономъ, не предрѣшая притомъ, каковъ будетъ будущій порядокъ выдачи гарантій. Далѣе, 4) кредитныя операціи государства — заключеніе займовъ, напримѣръ. По статьѣ 118 основныхъ законовъ Дума имѣетъ право разрѣшать или не разрѣшать заемъ, но только вообще. Всѣ подробности же, условія займа, срокъ вы-

пуска, процентъ, выпускная цѣна и т. д., все это уже зависитъ отъ правительства. Совершенно естественно, однако, что разъ Дума отвѣтствуетъ за разрѣшеніе займа, должна же она войти въ обсужденіе: какъ занимать. Есть, конечно, стороны, которыя народному представительству довольно трудно опредѣлить; напримѣръ, ту цѣну, по которой заемъ выпускается; затѣмъ, точный моментъ, въ который всего выгоднѣе выпустить заемъ. Нужно знать всѣ перемѣны въ состояніи денежнаго рынка, чтобы сумѣть уловить этотъ моментъ. Но есть и другіе, общіе признаки: напр., форма займа—%, способъ погашенія—все это такіе основные признаки всякаго займа, которые могутъ подлежать обсужденію Государственной Думы.

Мы настойчиво проводили нашъ взглядъ на то, что Государственная Дума должна контролировать тѣ основныя условія займа, о которыхъ я только-что говорилъ. Въ прошломъ году, правда, Государственная Дума согласилась дать заемъ, не настаивая на томъ, чтобы ей сообщили эти условія. Но при этомъ она оговорилась, что только потому соглашается, что во-первыхъ, вопросъ долженъ рѣшаться спѣшно, во-вторыхъ, сумма займа небольшая и, въ третьихъ, Дума принимаетъ во вниманіе нѣкоторыя разъясненія, которыя сдѣлалъ министръ Фин., а впредь, можетъ быть, Дума отнесется иначе. Во вторую сессію, осенью 1908 г., передъ нами сталъ вопросъ о другомъ займѣ и довольно крупномъ: въ цѣлые полмилліарда. Нужно было еще разъ поставить министру Финансовъ условія, при которыхъ можно согласиться и не согласиться на такой заемъ. Фракція народной свободы, во-первыхъ, требовала, чтобы общая сумма займа, 450 мил. была раздѣлена на двѣ части: 300 мил. на замѣну прежнихъ срочныхъ обязательствъ казны новыми и 150 мил. на покрытіе ожидаемаго дефицита по бюджету 1909 года. Мы настаивали на томъ, чтобы Дума разрѣшила заемъ на покрытіе дефицитовъ не раньше, чѣмъ точно опредѣлится сумма дефицита, такъ какъ иначе она добровольно лишаетъ себя единственнаго оружія, какое имѣется у нея въ рукахъ при утвержденіи или неутвержденіи бюджета. Но большинство оказалось на этотъ разъ еще болѣе уступчивымъ, чѣмъ въ прошломъ году. Лишь

предсѣдатель бюджетной комиссіи въ концѣ своей рѣчи напомнилъ тѣ условія, на которыхъ вся Дума въ прошлую сессію настаивала въ своемъ особомъ постановленіи. Министръ не только не былъ стѣсненъ обсужденіемъ въ Думѣ формы займа, но, напротивъ, былъ освобожденъ думскимъ постановленіемъ даже отъ точнаго опредѣленія номинальной суммы займа. Ему только поставлено было условіе—выручить изъ займа 450 мил. р. дѣйствительныхъ. И министръ воспользовался данной ему свободой лишь для того чтобы переплатить по займу и дать огромную комиссію иностраннымъ банкирамъ. Невыгодность для насъ займа 1909 года еще разъ показываетъ, какъ необходимо Думѣ контролировать хотя бы общія условія заключенія займа и самой выбирать его форму.

Я указывалъ чего не хватаетъ въ правахъ Г. Думѣ, чтобы имѣть полную возможность учесть народную копейку. Но Думѣ еще не хватаетъ и полныхъ знаній о бюджетѣ. Отъ нея умышленно скрыто какъ разъ то, что ей нужно знать. Существуетъ учрежденіе Государственнаго Контроля. Госуд. Контролеръ долженъ бы былъ быть полезнымъ помощникомъ народному представительству при критикѣ бюджета. Между тѣмъ, какъ стоитъ дѣло у насъ? У насъ государственный контролеръ не поставленъ наблюдателемъ надъ министерствами. Онъ входитъ самъ въ составъ кабинета министровъ, какъ равноправный членъ его. Понятное дѣло, какъ же онъ можетъ тогда независимо и свободно контролировать своихъ товарищей? Мы настаивали на томъ, чтобы Госуд. Контролеръ былъ выдѣленъ изъ состава кабинета. Дума въ прошломъ году приняла наше мнѣніе. То же мнѣніе мы высказали и побудили принять Думу—и въ этомъ году. Какой же результатъ? Рѣшительно никакого. Контролеръ остается и будетъ оставаться—членомъ кабинета. Дума никакъ не можетъ получить отъ контроля всего того, что ей нужно. Контроль далеко не всегда даетъ справки, а нѣкоторыхъ справокъ не даетъ вовсе. Напримѣръ, всеподданнѣйшаго отчета контроля бюджетная комиссія никакъ не могла добиться, а когда она продолжала настаивать на сообще-

ніи его, то пошелъ слухъ, что впредь всеподданнѣйшихъ отчетовъ вовсе не будутъ печатать.

Другой примѣръ. Прежде чѣмъ принимаются въ бюджетъ окончательныя суммы, по тому или другому вѣдомству, между различными вѣдомствами происходятъ совѣщанія. Каждое вѣдомство защищаетъ ту сумму, какую желаетъ получить. Министръ Фин. доказываетъ, что не нужно давать всей суммы, а можно ограничиться меньшей ассигновкой. Какъ велика разница между суммами, просимыми первоначально, и суммами ассигнуемыми послѣ междувѣдомственныхъ совѣщаній, показалъ самъ министръ въ своей послѣдней запискѣ къ бюджету 1909 года. Но когда мы въ прошломъ году попросили министра Финансовъ: дайте намъ тѣ документы, въ которыхъ записано, какъ вы между собою пререкаетесь, чтобы намъ быть освѣдомленными, насколько основательны требованія разныхъ вѣдомствъ,—по крайней мѣрѣ въ такой же степени, какъ вы освѣдомлены сами—министръ намъ отвѣтилъ: какъ же мы будемъ передъ вами открывать наши внутренніе споры? Это наше домашнее дѣло,—которое вашему вѣдѣнію не подлежитъ И намъ такъ и не дали протоколовъ междувѣдомственныхъ совѣщаній, такъ что даже основательности министерскихъ сокращеній мы провѣрить не можемъ.

Вотъ, когда при такихъ условіяхъ приходится обсуждать государственный бюджетъ, понятное дѣло, что не только у насъ, оппозиціи, но и у правительственныхъ партій начинаетъ обнаруживаться недовольство. Люди начинаютъ сердиться и въ сердцахъ говорятъ то, что въ другихъ случаяхъ не скажутъ: въ бюджетныхъ преніяхъ они проявляютъ своего рода либерализмъ. Для примѣра приведу нѣсколько выдержекъ, какъ правительственное большинство само принималось критиковать правительство по поводу бюджета. Возьмемъ, напр., споры по бюджету Мин. Вн. Дѣлъ. Вотъ что говорилъ октябристъ князь Голицынъ по этому поводу. „Существуетъ ли у насъ представительный строй правленія, опирающійся на законъ, или у насъ царствуетъ въ полной силѣ произволъ и усмотрѣніе? развѣ мы видимъ строгую гармонію въ управленіи страны? Нѣтъ, передъ нашими глазами

развертывается цѣлая сѣть отдѣльныхъ сатрапій, не подчиненныхъ ни закону, ни главной власти, а въ предѣлахъ своихъ территорій правящихъ, творящихъ судъ и издающихъ свои особыя законоположенія". Посмотрите также, какъ заговорилъ графъ Вобринскій о „злоупотребленіяхъ власти". Но такое настроеніе не особенно прочно. Выступитъ, напр., товарищъ министра, Макаровъ, отвѣтитъ въ тонѣ строгаго выговора,—и послѣ рѣчи Макарова изъ той же партіи октябристовъ выступаютъ на выручку гг. Шубинскіе и Гололобовы, которые немедленно приносятъ повинную.

Такимъ образомъ, либерализмъ большинства до самаго послѣдняго времени былъ очень нетвердый. Но, какъ ни какъ, онъ проявлялся, особенно, когда дѣло доходило до вещей, уже прямо затрагивающихъ чувство патріотизма. Это—то чувство, которымъ особенно гордились и на которомъ старались добиваться популярности руководители думскаго большинства. Особенно сильно проявилась этого рода оппозиціонность большинства въ вопросѣ національной обороны. Тутъ у всѣхъ въ памяти стоитъ Цусима, національный позоръ. Тутъ даже и сторонники правительства заговорили очень рѣшительно и смѣло. „Если мы считаемъ себя вправѣ и даже обязанными, говорилъ, напримѣръ, Гучковъ, обратиться къ народу, къ странѣ, и требовать отъ нихъ тяжелыхъ жертвъ, (для усиленія вооруженій), то мы вправѣ обратиться и къ тѣмъ немногимъ безотвѣтственнымъ лицамъ, отъ которыхъ мы должны потребовать только отказа отъ нѣкоторыхъ земныхъ благъ, которыя связаны съ постами, которые они занимаютъ". Вотъ что говорилъ по этому поводу и другой лидеръ правительственнаго большинства, Балашовъ: ,,Россія требуетъ имена виновныхъ и ждетъ отвѣта. Пусть дадутъ намъ этотъ отвѣтъ и дадутъ способъ бороться со зломъ". Даже Крупенскій въ одномъ изъ такихъ случаевъ крикнулъ: ,,мнѣ кажется, что отвѣтственно министерство, а не лица, и *намъ* министерство должно отвѣчать всегда". Какъ видите, тутъ даже мелькнула та самая мысль, которая, когда мы ее произносимъ, кажется нашимъ противникамъ опасной и еретической. Когда мы говоримъ, что министерство должно быть ,,отвѣтственно", намъ

возражаютъ, что мы стоимъ за парламентаризмъ, чуть-чуть не за республику. Но вы видите, что силою вещей даже такіе люди, какъ Гучковъ и Крупенскій, оказываются вынужденными придти къ той же простой истинѣ. Разумѣется, нельзя, чтобы въ странѣ важнѣйшими дѣлами заправляли безотвѣтственныя лица. Должна быть отвѣтственность.

Правда, и въ вопросахъ патріотизма и высшихъ національныхъ интересовъ либерализмъ нашихъ націоналъ-патріотовъ до сихъ поръ оказывался не прочнымъ. Отъ перваго испытанія и онъ сдавался. Тамъ, въ области политическаго либерализма было достаточно окрика товарища министра. Здѣсь, въ области націоналъ-патріотическаго либерализма пришлось сдѣлать окрикъ построже. Его сдѣлалъ предсѣдатель Совѣта Министровъ и далъ его не въ Думѣ, а въ Государственномъ Совѣтѣ. Предсѣдатель Совѣта Министровъ напомнилъ, что ему приходится оберегать „межевую грань“, между „преобразованнымъ строемъ“ и „парламентаризмомъ“, кто бы ея ни нарушалъ, свои или чужіе.

Однако же, во вторую сессію лидеръ думскаго большинства продолжалъ свои націоналъ-либеральныя наступленія. Онъ поднялся даже еще ступенью выше въ своей патріотической критикѣ безотвѣтственныхъ сферъ. Но послѣдствіемъ этого оказалось уже не внушеніе П. А. Столыпина по адресу А. И. Гучкова, а внушеніе самому предсѣдателю Совѣта Министровъ, въ видѣ отставки военнаго министра. Послѣ того, положеніе самого П. А. Столыпина сильно поколебалось. Крайніе правые въ Г. Думѣ и Г. Совѣтѣ съ удвоенной силой возобновили свои нападки противъ „представительнаго строя“. На думскій центръ начались нареканія, подобныя тѣмъ, которыя прежде раздавались противъ насъ, противъ оппозиціи. И представителямъ центра теперь ничего не остается другого, какъ признать, что ихъ „патріотизмъ“ также какъ и нашъ, ведетъ къ непримиримой борьбѣ противъ „бывшихъ людей стараго строя“.

До сихъ поръ, какъ видимъ, даже и самый умѣренный націоналъ-либерализмъ большинства Думы былъ ограниченъ весьма тѣсными предѣлами. Онъ удавался только

тогда, когда въ успѣхѣ заинтересованы были сами высшія „сферы“ или когда побѣда надъ „безотвѣтственными“ вліяніями нужна была для усиленія власти министерства. Но въ такихъ случаяхъ уже Дума обращалась въ орудіе интриги, для нея непонятной, ходъ этой интриги былъ теменъ, а исходъ ея такъ же необезпеченъ, какъ и всѣхъ такого рода интригъ при прежнемъ, дореформенномъ строѣ.

Очень важно прибавить, что даже и такого рода либерализмъ покупался цѣной уступокъ, которыхъ не должно было бы допускать народное представительство. Какъ извѣстно, большинство Г. Думы, чтобы имѣть право проявить свой націоналъ - либерализмъ отказомъ въ деньгахъ на броненосцы (4 милліона), предварительно дало нѣсколько сотенъ милліоновъ на постройку Амурской дороги. Отказывая въ деньгахъ на флотъ, оно позаботилось оградить свой патріотизмъ отъ всякихъ подозрѣній. Тотъ же самый Гучковъ требовалъ отъ правительства, чтобы оно представило въ Думу цѣлую программу построенія флота, разсчитанную на нѣсколько лѣтъ впередъ. Тѣмъ, кто знакомъ съ западной исторіей, извѣстно, что въ Германіи, наоборотъ, *правительство* требовало отъ народныхъ представителей утвержденія на 7 лѣтъ впередъ программы судостроенія, а оппозиція отвѣтила: нѣтъ, мы вамъ дадимъ деньги только на одинъ годъ. И мы, когда это требованіе о внесеніи программы было поставлено, поступили такимъ же образомъ. Мы въ броненосцахъ отказали, но и программы не согласились требовать. При такой постановкѣ вопроса самъ представитель большинства былъ принужденъ взять свое требованіе назадъ. Во вторую сессію, нашъ сотоварищъ по фракціи, Челноковъ, показалъ для всѣхъ наглядно, чего должна стоить народу полная морская программа ($2^1/_2$—3 милліарда) и какъ несбыточно мечтать при теперешнемъ положеніи бюджета о ея выполненіи.

Теперь перейдемъ къ тому, какіе же получились практическіе итоги думской работы надъ бюджетомъ? Поработала Дума не мало, матеріалъ осилила огромный, а практическихъ результатовъ не дала почти никакихъ. Бюджетной комиссіи, въ болѣе чѣмъ 2-хъ мил-

ліардномъ бюджетѣ, удалось въ первомъ бюджетѣ (1908) съэкономить всего 55 милл. Но когда эти проекты экономій на 55 милл. по разнымъ статьямъ вынесены были въ Думу, то Дума большую часть ихъ вновь возстановила. Изъ 55 милліоновъ осталось сокращеній всего на 13 милл. Но и изъ этихъ 13 милл. большую часть составляютъ такіе операціонные расходы, которые можно разсчитать только примѣрно и уменьшить лишь условно. Вы ихъ выкинете, а правительство все-таки ихъ истратитъ. Такимъ образомъ дѣйствительное сокращеніе росписи равняется 350 тысячамъ или, съ большими натяжками, не болѣе $1\frac{1}{2}$ милл. Это составляетъ 1|2000 часть нашего бюджета. Вотъ плоды нашихъ сокращеній. До тѣхъ поръ, пока будетъ существовать законъ 8 марта, иначе и не будетъ.

Итакъ, Государственная Дума не могла показать своей воли. Она показала лишь свои скромныя *желанія*. Такихъ желаній, или „пожеланій", накопилось цѣлыхъ 157. Изъ нихъ, однако, только 8 пожеланій касались серьезныхъ и цѣнныхъ реформъ. И какъ разъ въ этихъ реформахъ было отказано. 49 пожеланій касаются такого рода реформъ, которыя, несомнѣнно, желательны, и на которыя министерство готово идти, но онѣ не особенно важны и серьезны. Только въ восьми случаяхъ изъ этихъ 57 мы могли уличить министерство въ прямой незакономѣрности расходовъ.

При такомъ безсиліи Думы чѣмъ же намъ приходится заниматься? Намъ показываютъ при каждомъ ассигнованіи то распоряженіе (законъ, Высоч. повелѣніе и т. д.) на основаніи котораго это ассигнованіе сдѣлано. И намъ приходится искать въ Сводѣ законовъ и въ другихъ изданіяхъ эти распоряженія и провѣрять, отвѣчаютъ-ли онѣ ассигновкамъ. Главный нашъ трудъ на первыхъ порахъ и состоялъ именно въ томъ, чтобы провѣрять, есть ли законъ, подъ который можно подвести данную статью расхода или нѣтъ. Это трудъ большой, но безполезный. Всѣмъ намъ ясно, что такого рода бумажная критика, конечно, не соотвѣтствуетъ серьезности нашего положенія и важности разсмотрѣнія бюджета.

Въ самомъ дѣлѣ положеніе нашихъ финансовъ изъ

году въ годъ становится труднѣе. Самъ министръ намъ въ этомъ не разъ признавался. Не надо забывать, что мы уже имѣемъ государственный долгъ въ 9 милліардовъ. При этомъ 3 милліарда мы заняли въ послѣдніе три года. Послѣдніе два года займы дѣлались, уже при участіи Г. Думы, на пополненіе дефицита. Т. е. мы жили въ счетъ будущаго, не имѣя возможности покрывать не только чрезвычайные, но въ этомъ году даже и обыкновенные наши расходы изъ обыкновенныхъ доходовъ государства. И когда наступитъ конецъ этимъ дефицитамъ, когда перестанемъ мы нуждаться въ займахъ, сказать невозможно.

Когда мы спрашиваемъ министра финансовъ, что же онъ думаетъ дѣлать при такомъ трудномъ положеніи, у министра финансовъ есть только одинъ совѣтъ: будьте бережливы. Однако, и съ своей бережливостью онъ второй годъ не можетъ обойтись безъ займовъ. Когда мы говоримъ министру финансовъ, что нельзя такъ хозяйничать, живя изъ дня въ день что надо имѣть какой-нибудь разсчетъ на будущее и какой-нибудь планъ, чтобы осуществить этотъ разсчетъ, намъ отвѣчаютъ все тоже. У насъ одинъ планъ: во-первыхъ, бережливость, во-вторыхъ, бережливость и, въ-третьихъ, бережливость.

Мы спрашиваемъ: но какъ же вы берегли? За прошлый годъ, напр., доходовъ было больше предыдущаго на 40 милл., а расходовъ на 90 милл. А въ ближайшій годъ оказалось уже не 50, а 150 милл. перерасходовъ. На самые важные, а главное производительные расходы, оказывается, денегъ взять неоткуда. Какъ же быть, что надо сдѣлать, чтобы притекли эти деньги? Очевидно недостаточно исполнить бухгалтерскія обязанности и считать деньги въ казнѣ. Нужно немножко подумать и объ источникѣ, откуда онѣ притекаютъ: о народномъ богатствѣ.

Наша оппозиція на вопросъ: что нужно? отвѣчаетъ: для поднятія народнаго благосостоянія нужна культура, нужна свобода, нужно право. Что говоритъ на это министръ финансовъ? Конечно, все это нужно, но болѣе всего нужно спокойствіе, нуженъ порядокъ, нужно взаимное довѣріе. Мы соглашаемся: вѣрно, дѣйствительно нужно взаим-

ное довѣріе. Но съ чего начать? Со взаимнаго ли довѣрія, которое само возстановитъ порядокъ, или съ порядка, который *принудитъ* къ взаимному довѣрію?

Недавно въ газетахъ былъ помѣщенъ рескриптъ китайскаго императора (отъ 4 августа 1908 г.) о введеніи къ Китаѣ конституціи. Вотъ что тамъ, между прочимъ, говорится. „Въ настоящій моментъ страна какъ разъ переживаетъ то время, когда мощь государства находится въ состояніи крайняго упадка, а всѣ дѣла въ крайнемъ запущеніи и безпорядкѣ. Если между правительствомъ и народомъ не будетъ единодушія, стремленіе къ прочному основанію государственнаго могущества явится безуспѣшнымъ. Если основные законы не будутъ соблюдаться строго и неуклонно, невозможно будетъ гарантировать поддержаніе въ странѣ порядка и спокойствія". Китайскій императоръ говоритъ, какъ видимъ, почти подлинными словами русскаго мин. фин. Но только порядокъ мыслей нѣсколько иной. Если хотите взаимнаго довѣрія, какъ бы отвѣчаетъ онъ нашему министру, начните съ соблюденія закона, а порядокъ самъ собой явится тогда, когда будутъ установлены прочныя отношенія между правительствомъ и народомъ. Тоже самое сказалъ недавно и новый турецкій султанъ, принося присягу на вѣрность конституціи передъ народными представителями. „Я увѣренъ, говорилъ онъ, что вмѣстѣ со мной весь народъ убѣжденъ въ томъ, что спасеніе и успѣхъ нашъ зависитъ отъ серьезнаго примѣненія конституціи".

Въ какомъ же положеніи находится у насъ вопросъ о политическихъ гарантіяхъ единодушія и взаимнаго довѣрія между народомъ и правительствомъ? Попрежнему мы и теперь не можемъ прямо и опредѣленно отвѣтить даже на тотъ основной вопросъ, на который вы тщетно требовали отвѣта на избирательныхъ собраніяхъ. На что, въ самомъ дѣлѣ, народъ имѣетъ право и на что не имѣетъ? Получилъ-ли онъ 17 октября 1905 г. что-нибудь, или это только такъ кажется, что ему что-то дали? Тотъ же мин. фин. отвѣтилъ на этотъ вопросъ коротко и ясно: у насъ парламента нѣтъ. Онъ еще прибавилъ при этомъ: слава Богу! Однако, когда въ слѣдующемъ году понадобилось министру финансовъ заключать въ Парижѣ заемъ и когда

тамъ возникли сомнѣнія въ надежности помѣщенія французскихъ денегъ въ Россіи, французскій министръ Пишонъ успокоилъ нашихъ кредиторовъ увѣреніемъ, что въ Россіи *есть* конституціонныя учрежденія, при которыхъ заемъ гарантируется согласіемъ народа. Можетъ быть, это было причиной того, что и русскій министръ финансовъ въ этомъ году сталъ выражаться осторожнѣе и даже заговорилъ о „мудрости“ нашихъ законодательныхъ учрежденій. Какъ же стоитъ дѣло въ дѣйствительности?

Если угодно, въ извѣстномъ смыслѣ, конституціи, дѣйствительно, у насъ нѣтъ. Та конституція, которая у насъ имѣется, есть пока лишь на бумагѣ,—только на бумагѣ. Но мы за эту бумагу держимся. На бумагѣ намъ сказано, что русскій народъ черезъ своихъ представителей имѣетъ законодательныя права, что безъ согласія русскаго народа, въ лицѣ его представителей, ни одинъ законъ не можетъ быть изданъ. И хотя это написано только на бумагѣ, мы это твердо помнимъ.

Я началъ съ того, что сказалъ Вамъ, что Государственная Дума сама по себѣ и не можетъ имѣть никакой силы, если въ народѣ она не имѣетъ поддержки. Право должно быть не только въ Таврическомъ Дворцѣ. Оно должно быть признано на каждой точкѣ Рос. Имперіи. Если только въ Таврическомъ Дворцѣ будутъ расцвѣтать среди русской земли какіе то невиданные на Руси фантастическіе кактусы и финиковыя пальмы, то это будутъ только оранжерейныя растенія въ парникѣ. Нѣтъ, то, что цвѣтетъ въ Таврическомъ Дворцѣ, должно распускаться пышнымъ цвѣтомъ по всей нашей странѣ. Таврическій Дворецъ не долженъ быть оазисомъ въ русской жизни. Вся эта жизнь должна быть перестроена по этому складу. Нельзя въ Гос. Думѣ писать законы и въ то же время объявлять чуть не всю Россію въ такомъ положеніи, при которомъ *по закону* законы не исполняются. У насъ существуетъ такое исключительное положеніе даже въ самомъ Петербургѣ! На основаніи этихъ исключительныхъ положеній законы нормальнаго времени могутъ быть прерваны во всякое время въ своемъ дѣйствіи. Мы знаемъ, что это „исключительное“ положеніе, какъ и всѣ „временныя“ правила въ Россіи, весьма долговѣчны. Онѣ

существуютъ уже 30 лѣтъ. Теперь только хотятъ укрѣпить эти временныя правила изданіемъ новаго закона, который превратилъ бы исключительное положеніе изъ временной мѣры въ постоянную норму. Объ этомъ новомъ проектѣ закона, внесенномъ въ Г. Думу правительствомъ, спеціалистъ-государствовѣдъ В. М. Гессенъ выразился слѣдующимъ образомъ: „если законопроектъ объ исключительныхъ положеніяхъ станетъ закономъ, Россіи суждены будутъ новыя испытанія, предъ которыми поблѣднѣютъ небывало тяжелыя испытанія, ею перенесенныя".

Въ такомъ же родѣ намъ готовятъ въ Думѣ и другія гарантіи „взаимнаго довѣрія". У насъ есть и проектъ закона о неприкосновенности личности, который разбирается въ такъ наз. судебной комиссіи. Изъ состава этой комиссіи нѣкоторые наши юристы прямо вышли, потому что по совѣсти отвѣчать за ту работу, которая производится въ этой комиссіи, они не хотятъ и своей печати къ законопроекту, разработанному этой комиссіей, они не приложатъ. Но что говорить о „неприкосновенности" обывателя, когда у насъ даже неприкосновенность депутата необезпечена!

Имѣется въ виду внести и законопроектъ о свободѣ печати. Пока онъ еще не розданъ членамъ Г. Д., но извѣстія о немъ уже имѣются. Надо сказать, что по существующему „временному" закону наша печать еще пользуется нѣкоторой свободой. Но кромѣ „временнаго" закона о печати, есть и практика, для которой этотъ временный законъ оказывается слишкомъ либеральнымъ. Теперь предварительной цензуры нѣтъ, и со стороны кажется, что печать свободна. Читателю можетъ казаться, что тотъ № газеты, которую онъ развертываетъ каждое утро, отражаетъ всѣ событія текущей жизни, сообщаетъ ему подлинную мысль публициста. Совсѣмъ нѣтъ! Мнѣ могутъ сказать по телефону, что, если я объ томъ или другомъ предметѣ, непріятномъ для начальства, завтра напишу статью, то меня заставятъ за это заплатить три тысячи рублей. Какъ я ни люблю моихъ читателей, но думаю, что трехъ тысячъ они за меня не уплатятъ, и бросаю статью въ корзину. Законопроектъ о свободѣ печати, какъ кажется, всю эту прак-

тику исключительныхъ положеній грозитъ ввести въ законъ, кот. называется закономъ о свободѣ печати! Есть еще цѣлый рядъ законопроектовъ о свободѣ совѣсти. Для нихъ мнѣ придется сдѣлать маленькое исключеніе. По нѣкоторымъ вопросамъ о свободѣ совѣсти, о правѣ перехода изъ одной вѣры въ другую, о правѣ образовать религіозныя общины—проекты составлены въ прежнее либеральное время и пока еще не измѣнены. По счастью оказалось, что свободой совѣсти дорожатъ не только въ рядахъ оппозиціи, но и въ рядахъ правительственнаго большинства: тамъ есть члены—старообрядцы. Имъ извѣстно, что значитъ въ Россіи быть преслѣдуемымъ за религіозныя убѣжденія. Поэтому и въ комиссіи, работающей надъ этими законопроектами, большинство оказалось либеральнымъ. Оказалось, что, по крайней мѣрѣ, *эти* законопроекты могутъ разсчитывать на большинство въ Г. Думѣ. Однако, по мѣрѣ того, какъ они зрѣли, зрѣла и оппозиція противъ нихъ. Святѣйшій Синодъ обезпокоился, и рѣшительно запротестовалъ противъ выработанныхъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ проектовъ. Были пущены въ ходъ обвиненія, будто этими проектами нарушаются церковныя права и каноны. Предсѣдатель комиссіи и по вѣроисповѣднымъ дѣламъ, преосвященный Евлогій, попытался затормазить дѣло. Еще въ прошлую сессію онъ предложилъ выбрать нѣсколько новыхъ человѣкъ въ комиссію, изъ православныхъ крестьянъ,—думая этимъ получить большинство. Дума догадалась и отказала. Тогда епископъ Евлогій отказался отъ предсѣдательства. Потомъ онъ спохватился и хотѣлъ было, чтобы снова выбрали его, но его забаллотировали, и комиссія выбрала себѣ предсѣдателемъ одного изъ лѣвыхъ октябристовъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ также попытался бороться противъ синода. Недавно было смѣненъ представитель правительства при Святѣйшемъ Синодѣ, именно потому, что не желалъ согласиться съ законопроектами, которые проводитъ черезъ Думу министръ внутреннихъ дѣлъ. Но когда сталъ наконецъ на очередь въ Думѣ самый скромный изъ этихъ законопроектовъ, товарищъ оберъ-прокурора рѣзко запротестовалъ отъ имени Синода. Дѣло тло только о томъ, чтобы не лишать никакихъ правъ

священниковъ, которые по разнымъ обстоятельствамъ оставятъ духовное званіе. Крайніе правые по этому поводу уже подняли крикъ о томъ, что Дума нарушаетъ права церкви! Законъ однако прошелъ. Послѣ него думское большинство провело и болѣе важный законъ, о старообрядческихъ общинахъ, несмотря на то, что на этотъ разъ и товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ протестовалъ противъ добавленій къ закону, сдѣланныхъ въ думской комиссіи. Именно эти добавки и были особенно важны, потому что ими устанавливались свобода проповѣданія вѣры, нераздѣльно связанная съ свободой совѣсти, провозглашенной манифестомъ 17 октября; ими же ограждалось открытіе общинъ отъ усмотрѣнія администраціи; наконецъ, старообрядческіе „священнослужители“ получили право носить это свое названіе. Во всей Россіи этотъ первый истинно-либеральный законъ третьей Думы произвелъ самое радостное впечатлѣніе. Передъ третьимъ вѣроисповѣднымъ закономъ о свободномъ переходѣ изъ одной вѣры въ другую—выступилъ самъ П. А. Столыпинъ. Онъ указалъ границы—съ одной стороны притязаніемъ Св. Синода, а съ другой и желаніемъ Г. Думы. Онъ намекнулъ, что свобода перехода изъ христіанскихъ исповѣданій въ нехристіанскія—не будутъ признаны. Тѣмъ не менѣе большинство Г. Думы провело и это свое рѣшеніе. Но, увы, впереди стоитъ еще Государственный Совѣтъ, наполовину назначенный изъ чиновниковъ, а въ другой своей, выборной половинѣ очень консервативный. И возможно, что онъ остановитъ всѣ улучшенія, внесенныя въ проекты Г. Думой, и тѣмъ окончательно докажетъ законодательное безсиліе Г. Думы.

Во всякомъ случаѣ, до сихъ поръ Г. Дума ничего не въ силахъ была сдѣлать для того главнаго дѣла, для котораго она созвана, для осуществленія въ Россіи началъ „обновленнаго строя“. Въ самомъ дѣлѣ, эта третья Государственная Дума существуетъ уже два года. Въ началѣ второй сессіи предсѣдатель Совѣта министровъ предложилъ свои мысли о томъ, что ей слѣдуетъ дѣлать, — изложилъ на бумагѣ свой планъ. Что же это былъ за планъ? Намъ сказали, что необходимо „въ первую очередь заняться важными законопроектами, не-

замедлительное разсмотрѣніе которыхъ отразится на самыхъ существенныхъ сторонахъ народной жизни и будетъ способствовать скорѣйшему созданію ея нормальной жизни". Какіе же это первоочередные законопроекты? Во-первыхъ, волостное и поселковое управленіе. Этотъ законопроектъ былъ еще въ прошломъ году поставленъ на очередь предсѣдателемъ совѣта министровъ. Съ тѣхъ поръ онъ провѣренъ въ особомъ учрежденіи, дворянскомъ „преддумьѣ", еще разъ обсужденъ на съѣздѣ „объединеннаго дворянства", и мы знаемъ, что послѣ всѣхъ дворянскихъ поправокъ правительство предлагаетъ организовать свою всесословную волость такъ, чтобы все управленіе попрежнему осталось въ рукахъ мѣстныхъ владѣльцевъ. Намъ обѣщаютъ, что когда пройдетъ законъ о волостномъ и поселковомъ управленіи, то будетъ проведенъ проектъ реформы уѣзднаго и городского управленія (не самоуправленія), т. е., другими словами, только тогда, когда Гос. Дума заложитъ самый фундаментъ согласно желаніямъ землевладѣльцевъ, Думѣ позволятъ въ томъ же стилѣ возводить и дальнѣйшую постройку. Затѣмъ идетъ законопроектъ о сборѣ съ городовъ за грузы. На Дальнемъ Востокѣ правительство придаетъ особое значеніе скорѣйшему разрѣшенію вопроса о закрытіи порто-франко во Владивостокѣ и объ административномъ переустройствѣ Сахалина. Какъ извѣстно, по первому пункту Дума исполнила желаніе правительства, къ большому ущербу для мѣстнаго населенія и къ выгодѣ только для промышленниковъ русскаго центра. Проведенъ и второй проектъ, наглядно показавшій, какъ твердо вѣритъ правительство во всемогущество бюрократіи. Въ культурной жизни страны почиталось чрезвычайно важнымъ разсмотрѣніе устава Донского Политехническаго Института, въ которомъ уничтожаются студенческія организаціи. Вотъ та особенно „важная" устроительная работа, которою русское представительство должно было заняться въ первую голову, по заявленію главы кабинета.

Оставивъ въ сторонѣ этотъ странный планъ, мы внесли свои собственныя предложенія. Мы могли брать только изъ того запаса законодательныхъ предположеній, который уже имѣется въ Думѣ. Изъ этого запаса

мы выдвинули на первый планъ: 1) законъ объ отмѣнѣ смертной казни, 2) расширеніе бюджетныхъ правъ Г. Д., 3) настоящее самоуправленіе, 4) вопросы о судѣ, 5) земельный вопросъ, 6) вопросъ объ улучшеніи быта служащихъ въ ремесленныхъ и торговопромышленныхъ заведеніяхъ, вѣроисповѣдные проекты, упомянутые выше, и т. д. Немного, какъ видите, но это всетаки лучше, чѣмъ правит. программа! Въ какомъ порядкѣ разсматривать законопроекты? Мы хотѣли на первый планъ поставить болѣе важные. Но намъ сказали: о тѣхъ законопроектахъ, которые поважнѣе,—вѣдь и споровъ будетъ много! Поэтому не лучше ли съ ними обождать, а тѣ, о которыхъ не будетъ никакихъ споровъ, поставить на первую очередь? Для большинства, которое или не смѣетъ, или не хочетъ разойтись съ правительствомъ, которое при томъ еще вынуждено считаться съ Госуд. Совѣтомъ, еще болѣе консервативнымъ, чѣмъ сама Дума, это, пожалуй, дѣйствительно было лучше. Но, какъ мы видѣли, даже самъ думскій центръ въ концѣ концовъ не выдержалъ такого отсутствія серьезной работы и, къ концу второй сессіи, поставилъ на очередь нѣсколько дѣйствительно важныхъ вопросовъ. И тотчасъ же, самому центру пришлось перевыбирать другъ друга и перестраиваться, а правительственное довѣріе къ его руководителямъ пошатнулось.

Лидеръ большинства сказалъ намъ въ прошедшую сессію, что 3-я Дума должна служить „оправданіемъ“ акта 3 іюня. Если въ томъ, что я Вамъ изложилъ, вы сможете найти это оправданіе, то я вамъ очень завидую. Я его пока еще не вижу—и не увижу даже тогда, если эта Дума и съумѣетъ сдѣлать что-либо положительное въ нѣкоторыхъ областяхъ русской жизни, наименѣе опасныхъ для „бывшихъ людей“. Но не оправдывая, осуждая даже Думу 3-го іюня, развѣ мы осуждаемъ самый принципъ народнаго представительства? То самое начало, за которое мы столько страдали и боролись? Нѣтъ, какъ ни велико наше отрицательное отношеніе къ третьей Думѣ, въ томъ состояніи и съ тѣмъ составомъ, съ которымъ она работаетъ,—теперь, когда намъ въ „Русскомъ Знамени“ начинаютъ доказывать, что эта Дума

не заслуживаетъ народнаго довѣрія; когда таинственно готовятъ подъ руководствомъ А. И. Дубровина какія-то „всероссійскія челобитья" объ отмѣнѣ или о лишеніи законодательныхъ правъ—русскаго представительства; когда намъ говорятъ, что Гос. Совѣтъ гораздо лучше, скорѣе и дешевле работаетъ, чѣмъ Г. Д.; когда даютъ совѣты „сферамъ": что съ Думой церемониться? распустить ее, никакой Думы не нужно!—мы говоримъ: нѣтъ, господа, какова ни есть, она всетаки Дума. Мы ею дорожимъ, ее даромъ Вамъ отдавать не хотимъ. Мы твердо вѣримъ, что такой она не останется и что разъ обновившемуся русскому Государству назадъ вернуться уже нельзя. Россія не Персія, а мы видимъ, что и въ Персіи не такъ легко покончить съ конституціей. Если нельзя итти назадъ, если невозможно топтаться на одномъ мѣстѣ, то ясно, что надо итти впередъ къ той свѣтлой точкѣ, которая уже нами указана, какъ наша завѣтная цѣль, которую поставила себѣ первая Гос. Дума въ своемъ обращеніи къ Государю.

Если вы его забыли, прочтите этотъ адресъ первой Г. Д. Тамъ нашъ идеалъ! И когда намъ говорятъ: вотъ ваше народное представительство, оно ничего не сдѣлало, его пора на смарку,—мы говоримъ: да развѣ это то народное представительство, котораго мы желали? Развѣ оно то дѣлаетъ, что нужно? Посмотрите, какую Думу, какую ея работу *мы* желали видѣть и дѣлать,—и тогда безъ дальнѣйшихъ разъясненій вы поймете, что нужно для установленія полнаго взаимнаго довѣрія между народомъ и властью, для водворенія спокойствія и порядка и для того широкаго развитія всѣхъ творческихъ и производительныхъ силъ, безъ котораго наша родина, и такъ уже отставшая во всемірномъ состязаніи народовъ, окончательно рискуетъ остаться на задворкахъ исторіи.

Библиотека
Института В. И. Ленина